

П. Б. СТРУВЕ

**Предисловие к книге Бердяева
«Субъективизм и индивидуализм
в общественной философии.
Критический этюд о Н. К. Михайловском» ***

Nur allein ein Mensch
Vermag das Unmögliche.
Er unterscheidet,
Wählet und richtet;
Er kann dem Augenblick
Dauer verleihen.

*Goethe ***

С чувством большого удовлетворения я прочел предлагаемую читателю книгу Н. А. Бердяева. Прежде всего она знаменует собой в нашем направлении умственную жизнь и критическое движение, противопоставляющиеся духовной смерти и догматическому застою. Но у автора ценна не одна только критическая мысль: у него с критической мыслью стройно сочетаются и душевный подъем, рождающий веру, и энтузиазм. В силу этого счастливого сочетания критика не осуждена на практическое бесплодие, не сверлит душу и не разрушает ее энергии, а порыв веры и энтузиазма не слепит умственного взора. В предлагаемой книге то практическое направление, появ-

* СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1901.

** Только для человека
Возможно невозможное.
Он различает,
Избирает и направляет;
Он может мгновение
Превратить в вечность.

ление которого в России относится к 90-м годам, составляя самый крупный шаг в умственно-общественной жизни этого десятилетия, совершенно открыто и решительно делает поворот к философскому идеализму и вступает, таким образом, в союз с духовными силами, которые до сих пор лишь по историческому недоразумению считались ему враждебными. Этот поворот обозначился довольно давно, но в книге Н. А. Бердяева он впервые получает более или менее законченное и сосредоточенное выражение¹. Каковы бы ни были недостатки этого и других предшествовавших и последующих трудов в том же духе, их историческое значение несомненно для того, кто верит в зиждущую силу философского идеализма и ценит союз с ним.

Я знаю, что найдутся лица, которые скажут, что утверждаемый мною и подчеркиваемый союз не представляет ничего нового, что он уже осуществлен благодаря усвоению марксизмом идей Гегеля, и в частности его диалектики. Здесь перед нами недоразумение, упорно продолжающее жить в головах многих друзей и врагов нашего направления, одна из тех традиционных *Gedankenlosigkeiten* *, которые по наследству переходят от одних умов к другим, не имея за собою ничего, кроме давности. В гегелевской философии несомненно был огромный запас идеализма, но в том, что у Гегеля под именем диалектики взяли Маркс и Энгельс, не было ни капли идеализма — поэтому совершенно правильно название диалектического материализма для их философского мирозерцания. Если угодно, в нем можно видеть и спинозизм; несомненно, что всякий метафизический материализм должен напоминать спинозизм, у которого с материализмом общемонистическое и механическое истолкование мирового целого. Но спинозизм вовсе не есть идеализм, хотя исторически он явился одной из исходных точек для идеалистических построений Шеллинга и Гегеля.

Маркс и Энгельс были в философском отношении настоящими материалистами. Как все материалисты, они постоянно колебались между метафизикой и позитивизмом, возводя данные положительной науки в метафизические принципы, вводя эти принципы вновь в положительное исследование или, точнее, толкуя в их смысле результаты последнего. Так, эмпирическая эволюция превращалась у них на высших ступенях их отвлечений в метафизическую диалектику, чтобы затем снова войти в положительное исследование как принцип истолкования эмпирических данных. Но так как метафизические элементы как

* Бессмысленностей (*нем.*). — перевод составителя, дальше А. Е.

материализма, так и диалектики крайне скудны, то позитивное содержание, даваемое научным исследованием, всегда подавляет их у Маркса. Метафизическая рамка непропорционально узка сравнительно с заключенным в нее широким позитивным содержанием. Г. Михайловский уже давно справедливо заметил, что гегелианская диалектика есть только «тяжелая, ненужная и неуклюжая крышка» на научном творении Маркса. Еще любопытнее и ценнее суждение одного настоящего философа, едва ли не самого последовательного и глубокого из всех немецких критических позитивистов. Эрнст Лаас, указывая в 1879 году на малоизвестное в то время полемическое сочинение Энгельса против Дюринга как на удачное опровержение онтологического априоризма последнего, писал: «В настоящее время такие смены категорий в гегелевском роде, как, например, превращение в свою противоположность, переход качества в количество (или наоборот), отрицание отрицания, вряд ли применяются иначе, чем в качестве удобных и легко запоминаемых обозначений действительно или мнимо закономерных естественных или исторических процессов»².

Имея в виду опять-таки Энгельса и указывая, как Гегель вытравил из идеалистической метафизики резкое платоновское и кантовское противоположение чувственности как пассивного элемента и разума как элемента активного, Лаас * прибавляет: «Не случайно поэтому, что со времени появления работ Дарвина некоторым гегелианцам стало совершенно легко постепенно довести принципы их учителя до полного сходства с новой эволюционной теорией».

Для Лааса как позитивиста а *outrance* ** самым привлекательным в Энгельсовой критике Дюринга являлось полное подчинение гегелианства, из которого «исходило духовное развитие самого критика» (т. е. Энгельса), — эмпиризму или позитивизму, иными словами, полное поглощение последним идеалистических и метафизических мотивов ***. На самом деле в марксизме диалектический материализм в смысле философского учения, а не простого обозначения некоторых социологических обобщений, есть довольно убогая метафизическая надстройка над превосходным для своего времени позитивно-научным зда-

* *Laas Ernst*. Idealismus und Positivismus. Eine kritische Auseinandersetzung. Erster, allgemeiner und grundlegender Theil. Berlin, 1879. S. 164—165.

** до крайности (*фр.*). — *A. E.*

*** *Laas Ernst*. Idealismus und Positivismus... S. 147.

нием. В этой философской надстройке нет совершенно никаких идеалистических элементов, и потому тем, кто захочет с положительно-научным и с практически-политическим содержанием учения Маркса сочетать философский идеализм, с этой надстройкой нечего делать, в ней нечего искать. Она вся целиком должна пойти на слом, чтобы уступить место другому «венцу». Самое же здание должно быть совокупными усилиями отчасти перестроено и обновлено, отчасти послужить лишь хорошим строительным материалом для новых сооружений.

Вольтман в своей книге «*Der historische Materialismus*» * делает совершенно несостоятельную попытку доказать, что Маркс является в философском отношении истинным продолжателем немецкой идеалистической философии, и в частности ее основоположника Канта³. Впрочем, настоящих доказательств этого изумительного тезиса, провозглашаемого в предисловии (с. V—VI), Вольтман не приводит, заменяя их компилятивным и неинтересным изложением идей Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, за которым следует такое же изложение Фейербаха и Маркса и собственные, крайне путанные рассуждения. Критический марксизм несомненно компрометируется такими некритическими трудами и заявлениями. Для Вольтмана характерно, что он в совершенно неперевавленном виде извергает перед своими читателями исторического Канта со всеми его противоречиями и со всей его схоластической систематикой и затем этого Канта часто механически связывает с Марксом. Неокантианская литература Вольтману, по-видимому, совершенно незнакома. Иначе он счел бы, по крайней мере, нужным посчитаться с той критикой кантовской концепции «вещи в себе», с которой неокантианство в лице Либмана («*Kant und die Epigonen*»), выступило еще в 1865 году⁴. Между тем Вольтман считает «вещь в себе» верхом Кантовой мудрости. К Канту он относится даже менее критически, чем к Марксу. Намерения Вольтмана внести идеалистическую струю в марксизм заслуживают полного признания, но выполнение этих намерений — очень слабое. Сам Вольтман из реалистических тенденций Канта выводит чисто материалистическую метафизику, ничем не отличающуюся от вульгарного материализма (с. 300 и сл.), но затем всецело принимает и Кантову этическую метафизику, т. е. учение об интеллигибельном характере (с. 311 и сл.). Некритичность Вольтмана с поразительной ясностью обнаруживается в рассуждениях об учении, рассматривающем познание

* Dusseldorf, 1900. Только что вышел русский перевод.

как отражение в зеркале (*Theorie des Spiegelbildes* *, с. 285 и сл.). Эту теорию Маркс и Энгельс действительно разделяли и неоднократно выражали в самой наивной форме, Кант же своей критикой упразднил (ср. Виндельбанд: «*Praeludien*». Freiburg, 1884, с. 125 и сл.)⁵. Указываемые рассуждения Вольтмана кульминируют в поистине чудовищном тезисе: «*Da Bewusstsein ist demnach tatsächlich ein Spiegelbild des Gehirns des ganzen Organismus und der Aussenwelt, je nach der Stufe der Umsetzung des Materiellen ins Ideelle*» (с. 294) **.

В противоположность этому синкретическому сочетанию несоединимых идей мы считаем нужным решительно заявить, что в метафизическом и вообще философском отношении нет более резкой противоположности, чем Маркс и Кант или вообще идеалистическая философия, продолжающая и развивающая традиции Платона. Тот, кто открыто становится на сторону идеализма, должен так же открыто порвать с метафизикой Маркса. С точки зрения теории познания и метафизики нет никакого различия между материализмом Маркса и так называемым вульгарным материализмом (Мошешотта, Бюхнера и др.), который Энгельс и ортодоксальные марксисты не имели никакого права третировать свысока⁶. Социологическая же доктрина Маркса так же мало, по существу, связана с философским материализмом, как современные физиология и психофизика. Из этого взгляда на философское содержание марксизма вытекает, что жизнеспособны в нем только позитивно-научные элементы, которые как таковые нуждаются лишь в гносеологической проверке своих исходных точек и в специально-научной критике своих приложений, метафизическая же часть марксизма должна разделить судьбу диалектики и материализма, оказавшихся одинаково несостоятельными пред судом философской критики ***. И исторически—мировоззрение Маркса

* Теория отражения (*нем.*). — А. Е.

** «Сознание, таким образом, фактически есть отражение мозгом всего организма и внешнего мира, отражение, различное на различных ступенях превращения материального в идеальное». Это чистейший и грубейший материализм.

*** Несостоятельность материализма в настоящее время не требует никаких новых доказательств. Она стала философским общим местом. Но диалектика нередко еще пользуется почтительным признанием в силу своего исторического родства со все более и более подчиняющим себе философскую мысль идеализмом. Ввиду этого не мешает заметить, что мы считаем диалектику Гегеля окончательно опровергнутой в превосходных работах А. Тренделенбурга

выросло из оппозиции всякой идеалистической философии, в частности и гегелевскому панлогизму*. С идеалистической философией у марксизма обще лишь стремление к широкому синтетическому построению мирового целого, т. е. обща лишь голая форма целостного мирозерцания. И то эта формальная связь сознательно устанавливается лишь во второй период литературной деятельности Маркса, когда его материализм становится диалектическим, когда происходит синтез материалистической метафизики и диалектической логики.

Важный шаг в деле критической перестройки марксизма на основе идеалистической философии делает книга Бердяева. Его критика, обращенная против г. Михайловского, направляется против ограниченности всякого позитивизма вообще; а мы уже сказали, что если отбросить скудную диалектику и еще более скудный материализм, то и ортодоксальная форма марксизма представится нам в образе чистого позитивизма. Под позитивизмом я разумею не учение Конта (влияние которого, кстати сказать, было гораздо значительнее действительной ценности его трудов, хотя третировать его в качестве философского ничтожества и смешно, и несправедливо), а возведенный в философскую систему и обоснованный на теории познания *эмпиризм*, главными представителями которого в истории философской мысли являются — если не считать мифического Протагора — Юм, Милль и Лаас⁹.

Соглашаясь с общим направлением мысли автора, я отнюдь не могу подписаться под всеми его воззрениями, выраженными в предлагаемой книге. Дальнейшее мое изложение будет посвящено выяснению той точки зрения, с которой я рассматриваю капитальные вопросы теории познания и этики, затрагиваемые и освещаемые Бердяевым в его книге. Своих разногласий с ним по чисто социологическим вопросам (например, по вопросу о населении, в котором я в общем продолжаю держаться своих

(Logische Untersuchungen. 3-te Auflage. Leipzig, 1879; есть русский перевод: М., 1868) и Э. Гартмана (Über die dialektische Methode. Berlin, 1869)⁷.

* Мне кажется, я доказал в своих статьях «Studien und Bemerkungen zur Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus» (Neue Zeit, XV, 2), что гегелевская диалектика не составляет исконного достояния учения Маркса и что в 40-х гг. он относился к ней отрицательно. Возражения профессора Масаржика (Masaryk)⁸ к его книге «Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus» (только что вышел русский перевод этой книги) меня не убедили.

прежних взглядов) я не буду поднимать в настоящем предисловии.

С этого места я рекомендую читателям оставить мое предисловие и приняться за книгу Бердяева, чтобы вернуться к моим мыслям уже после прочтения ее.

